

АНТОН СИБИРЯКОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ПАРАЧНАЯ НИТЬ

18+

Антон Сибиряков

Призрачная нить. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36351349

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник «Призрачная нить» – это два мистических рассказа о призраках, объединенных важным вопросом для людей. Умеем ли мы прощать? Рассказ "Отзвуки" в 2012 году был включен в число лауреатов международной премии. Содержит нецензурную брань.

Сборник «Призрачная нить» – это два мистических рассказа о призраках, объединенных важным вопросом для людей. Умеем ли мы прощать?

№1

Дом там, где мы оставляем свое сердце. Но что, если в сердце нашем звучат отголоски прошлого, а в доме, куда мы возвращаемся, поселилось зло? После долгих лет счастливой жизни Ольга возвращается в дом, в котором провела все свое детство. В то место, которое когда-то стало для нее тюрьмой. Однажды, маленькой девочке удалось сбежать из этого ада, но получится ли это теперь, когда девочка стала взрослой? Читайте – и вы узнаете ответ. Читайте – и вы услышите отзвуки.

ОТЗВУКИ

Всем тем, кто умеет слушать

Я спускаюсь по скрипящей лестнице в серое подземелье подвала. Бледная девочка, похожая на фарфоровую куклу, сидит у стены с задранной на грудь платьем. Ее рот забит черной землей, но я вижу, что она все еще жива – тонкие ручки дергаются в предсмертной агонии. А следы от чьих-то грязных пальцев шрамами чернеют на ее посиневшей шее. Дневной свет тусклыми ручейками протекает через немытое оконце, заливая собою пыльный пол, но в дальнем углу плотной завесой клубится тьма. Я делаю еще несколько босых шагов и останавливаюсь, замечая, как темнота в углу начинает принимать очертания человеческой фигуры. Высокая и

худая, она стоит ко мне спиной, опустив голову. И мне кажется, что я слышу всхлипы и шепот, оседающие на деревянных стенах каплями влаги. Но не могу разобрать слов. А потом девочка начинает скрести по полу ногтями, и я в ужасе просыпаюсь, жадно глотая ртом ночную прохладу. Прижимаюсь к мужу, спящему рядом, но еще долго лежу без сна стараясь унять дрожь взволнованного сердца. Во мне зарождается новая жизнь и повторяющийся каждую ночь кошмар начинает меня пугать. Мое положение пока совсем незаметно, лишь мы с супругом знаем о том, что через восемь месяцев у нас ожидается долгожданное пополнение. Психологи говорят, что эти сны – всего лишь мой страх перед предстоящей ответственностью, но от их слов мне не становится легче. Потому что иногда мне кажется, что я узнаю тот страшный подвал...

Утро приходит, как всегда, в начале восьмого. Ароматами крепкого кофе и французской сдобы. Яркий солнечный свет заливает просторную спальню, и я осторожно приоткрываю глаза, любуясь своим мужчиной. Он стоит у окна в спортивных штанах, разглядывая просыпающиеся улицы родного поселка. Он вырос здесь. Здесь жили его родители, и будут жить его дети. То, что мы встретились с ним однажды, далеко от этих мест, невероятный поворот судьбы – дар, о котором я не могла даже мечтать. Но молилась всю свою жизнь...

На низком столике стоит поднос с завтраком. Чашка ко-

фе и пышные круасаны, дышащие жаркими печами местной хлебопекарни. Когда Сашка возвращается с утренней пробежки, он всегда приносит мои любимые круасаны с черничной начинкой. Заваривает кофе и ждет, пока я проснусь. Каждый день. Наверное, кому-то такое однообразие может показаться приторным, но я желаю, чтобы оно продлилось всю мою жизнь. Потому что в этом и вижу настоящее женское счастье. В бесконечности любви.

– Милый...

Он поворачивается ко мне, и я вижу его сильный торс, вызывающий восхищенные взгляды моих подруг. Вижу белую полоску шрама под ребрами, доставшуюся ему в наследство с прошлой работы, когда он служил в местном полицейском участке. Он смотрит на меня и улыбается. И я понимаю, что любовь сжигает меня без остатка.

– Выспалась?

Жмурюсь от слепящего света. Иногда нам всем приходится лгать.

– Ага.

– Здесь вот какое дело... В почтовом ящике я обнаружил письмо. Оно адресовано тебе. Я положил его на поднос. Почитаешь за завтраком?

– Письмо? Кто пишет письма в век интернета? Ты знаешь?

– Да, – он подходит к шкафу и отодвигает зеркальную дверку, выбирая костюм. – Твой дед.

– Что?! Так это письмо от моего дедушки?

Скидываю одеяло, пытаюсь с кровати дотянуться до белого конверта, лежащего на подносе. Сашка смотрит на меня и смеется.

– Ну и ну...

– Чего? – все еще тянусь к столику, но чувствую, как соскальзываю с шелковых простыней на пол. – Ой...

Он подхватывает меня на руки, и я прижимаюсь к нему, чувствуя себя маленькой и беззащитной. И почему-то, в этот момент, мне очень сильно хочется плакать... Но он относит меня к плетеному креслу, стоящему рядом со столиком, осторожно усаживает и целует в макушку.

– Королева Ольга...

– Угу, – жую круасан, рассматривая прямоугольник письма. Почему после стольких лет молчания он решил написать мне?

– Малыш, скажи, какой из этих лучше для обеда с важными шишками?

Оборачиваюсь. Сашка держит в руках два совершенно одинаковых костюма.

– Ну, если для обеда, то правый варится быстрее...

Смеется.

– Отлично. Тогда правый. Если вдруг что-то пойдет не так, то я, хотя бы, предложу пожевать им свои рукава.

Беру конверт, оставляя на нем жирные отпечатки пальцев. Мелкий почерк в адресной строке отправителя не врет – это письмо действительно от моего дедушки. Вскрываю его

ножом для масла, и вытаскиваю сложенный вдвое листок бумаги.

Ночная дрожь возвращается ко мне, хватая за руки. Хочется ли мне знать, что случилось?

– Боже... – выдыхаю, разворачивая письмо.

"Моя милая внучка, мне кажется, что в доме нашем я больше не один. Зло поселилось в родных тебе стенах. Но, может быть, оно жило тут всегда. А сейчас восстало из темноты, вместе с рассветом красного солнца. Тени прошлого, которые ничего не забывают.

Приезжай, принцесса. Возвращайся домой. Только ты можешь мне помочь. Ведь больше в этом мире у меня никого не осталось.

Надеюсь, что ты прислушаешься к своему сердцу, и оно подскажет тебе правильный путь. Как и надеюсь, что ты все еще не забыла дорогу домой.

Твой дедушка"

Перечитываю письмо снова и снова. Восемь строк. Восемь прутьев решетки, за которыми, ломая крылья, мечется мое прошлое. А ведь я думала, что давно выпустила его из этой клетки, и оно улетело от меня навсегда, за острые зубья горных хребтов.

Я знаю, что должна ехать домой. Чтобы окончательно освободиться от его плена. И навсегда отпустить прошлое.

– Оль, ты прочла письмо? Что там?

Вытираю со щеки неожиданную слезу.

– Я должна вернуться домой.

– Что?! – Сашка подходит ко мне и опускается на колени.

Заглядывает в лицо. – Куда ты должна вернуться?

Переживаю боль в груди. Шепчу:

– Домой...

– Я не отпущу тебя! Не отпустил бы и одну, а с ребенком, тем более...

Провожу рукой по его мокрым волосам. Касаюсь лица. Он смотрит на меня с тоской, и я понимаю, что любовь сжигает его без остатка.

– Ты ведь знаешь, что я должна ехать.

Он прижимается гладкой щекой к моей ладони.

– Ты не вернешься... Если уедешь туда, то никогда не вернешься обратно. Я потеряю тебя...

– Что ты такое говоришь? Я вернусь через несколько дней. Мы вернемся к тебе вместе. Я и малыш.

– Ты не вернешься...

Вздрагиваю, открывая глаза. За окнами поезда яркими кляксами расплывается осень. Скоростной экспресс бесшумно летит по рельсам, унося меня прочь из счастливой жизни в темную бездну прошлого.

Путешествие во времени.

Потягиваюсь в мягком кресле. В теплом вагоне царит тишина и покой. Рядом со мной мой сосед дремлет, сложив пухлые руки на пивном животе. А женщина напротив – увле-

ченно читает книжку в мягкой обложке. Достаяю из цветастого рюкзака конверт с письмом. Задумчиво кручу его в руках.

Что могло произойти там, в доме, в котором я провела все свое детство?

– Возвращаетесь к родным?

Поднимаю глаза. Женщина, читавшая книжку, смотрит на меня поверх очков.

– Да, я... еду домой.

– Вы не рады этому?

Пожимаю плечами:

– Я не знаю, что сказать.

Улыбается:

– Настоящий дом там, где мы оставляем свое сердце. Здесь все едут домой. В этом поезде. А знаете почему?

– Нет.

– Потому что поезда созданы для того, чтобы возвращать людей домой.

– Звучит красиво...

– Но если уж сели в этот поезд, не забывайте, что он ходит в обе стороны.

– Я не забуду.

Женщина кивает и возвращается к книжке. А я прислоняюсь щекой к холодному окну, пытаюсь вспомнить, сколько лет прошло с тех пор, как я уехала. Сколько холодных зим минуло с той поры, когда я, маленькой девочкой, бегала по замерзшей дороге в школу... Я стараюсь вспомнить, но вме-

сто этого снова засыпаю, проваливаясь в темноту. И только слышу, как продолжает стучать внутри меня маленькое, от-важное сердце.

Мне снится дорога домой. Серый асфальт, усеянный полыхающими осколками неба. Закат после дождя. Его беспощадный огонь сжигающий судьбу маленькой девочки, бегущей навстречу яркому пламени. Туда, где не осталось больше ничего, кроме родительских фотографий на бесцветных надгробиях. И трясущихся детских рук, сложенных в мольбе. Согретых, горьким от слез, дыханием.

Мне снится дом. Ад, в котором я оставила свое израненное сердце. Место, которое обрело для меня бессмертие.

Он стоит все там же и ветви платанов скребутся о его черепичную крышу, когда волны ветров разбиваются о ее острые, как волнорезы, края. И трава на газонах блестит по утрам от прозрачной росы. А прямоугольники окон, словно глаза, по-прежнему наблюдают за тихой улочкой, по которой прогуливаются одинокие прохожие. И ручка двери все так же скалится пастью голодного льва, отпугивая коммивояжеров. Он стоит все там же. Живет с моим сердцем внутри.

Именно за этим я возвращаюсь – забрать то, что принадлежит мне по праву. Освободиться от долгих лет плена. И больше никогда не вспоминать о том, что произошло здесь много лет назад...

Поднимаюсь по скрипучим ступеням и вхожу в душную гостиную. Темнота, скопившаяся здесь, пахнет пылью, как и много лет назад. А на стенах – все те же полосатые обои, вздувшиеся у потолка уродливыми волдырями. Никуда не делись и рамки с армейскими фотографиями дедовских сослуживцев. Разглядываю их загорелые лица. Но, как и в детстве, не запоминаю ничего кроме красного флага, реющего на жарком афганском ветру.

Эта стена напоминает мне обелиск с именами погибших.

Касаюсь рамки, висящей на кривом гвозде. Она раскачивается в стороны, тихо поскрипывая.

Он не ждал меня? Или я приехала слишком поздно?

Останавливаюсь у лестницы, ведущей на второй этаж. Слушаю, как кто-то кашляет наверху.

Это он.

Опираясь на гладкие перила, поднимаюсь по ступеням и заглядываю в дедушкину спальню через щель приоткрытой двери. Он лежит на панцирной кровати, под узорами пыльного пледа. И я замечаю, как он постарел. Каким измученным и больным выглядит его лицо.

Чуть касаюсь двери, и она скрипит петлями.

– Здравствуй, дедушка. Я получила твое письмо...

– Это ты? – шелест его высохших губ заставляет меня замолчать.

Если бы он был слепым, я бы развернулась и побежала прочь. Но его бесцветный взгляд смотрит прямо на меня.

– Оля. Твоя внучка. Ты писал, что тебе нужна моя помощь.

Его тяжелое дыхание наполняет собой весь дом. Слышу, как слипаются в груди, вымокшие от никотина легкие.

– Прости меня... – одинокая слеза сползает по его щеке, и я опускаю глаза.

Мне не хочется говорить с ним о прошлом.

– Ты отдыхай, я устроюсь сама.

Знаю, что он смотрит на меня, но ухожу, так и не подняв головы.

Прямоугольник двери в конце коридора высечен линиями яркого света. Мама всегда говорила, что я цветок, которому необходимо солнце. Эту комнату на солнечной стороне дома выбрала для меня именно она.

Сбрасываю рюкзак с плеча и толкаю дверь. Она распахивается, заставляя меня зажмуриться от слепящего света. Прикрываю глаза рукой и переступаю порог, чувствуя на языке горький привкус воспоминаний.

Среди сверкания пыли, в загустевших от однообразия дней, моя детская комната все эти годы превращалась в тюрьму. В то место, из которого я однажды сбежала, но лишь для того, чтобы повзрослев вернуться обратно и понять – я навсегда останусь пленницей этих стен.

Здесь ничего не изменилось с тех пор.

Ставлю рюкзак на застеленную кровать и сажусь рядом. На ночном столике-трюмо, рядом с вращающимся зерка-

лом, аккуратной стопкой лежат розовые тетрадки, хранящие мои детские тайны и мечты. А в ящике, запертом на ключ, я уверена, до сих пор скрываются от любопытных глаз десятки неотправленных любовных писем и валентинок. Тот, кому они предназначались, был старше меня. Я так и не отважилась раскрыть ему своих чувств.

Боже... это так больно, возвращаться на места проигранных сражений. Идти между насыпями могил и вспоминать имена тех, кто был тебе дорог.

Но иногда у нас нет выбора. Мы должны возвращаться туда, где оставили свое сердце.

Этот дом – выгоревший туннель памяти, по которому я иду к долгожданной свободе.

Призраки здесь повсюду. Я слышу их голоса. Они окружают меня. Вижу размытые очертание их фигур. Маленькую девочку, смеющуюся у широкого окна. Ее отца, стоящего у стены. И мать, разрезающую на тарелке пышный черничный пирог.

Такой когда-то была моя семья.

– Зачем вы оставили меня? – шепчу, не замечая слез. – Зачем ушли, когда были так нужны мне?

Мишки на постельном белье морщатся от моих слов и прикосновений. Ложусь на холодную кровать, поджимая колени к груди. Меня всю трясет, словно в венах моих вместо крови течет ледяная вода. И слезы, расплывающиеся по подушке темными пятнами, за секунду превращаются в иней.

Я закрываю глаза и слышу голос своего отца. Он стоит рядом со мной на коленях и гладит меня по волосам.

– Моя милая девочка. Будь осторожней. Я знаю, подвал будет притягивать тебя, но ты не должна заходить туда. Ни за что на свете.

– О чем ты говоришь, пап? Что здесь происходит?

– В этом доме ты больше не одна. Но не верь тому, что увидишь. Зло жило здесь всегда. Умоляю тебя, забирай то, зачем приехала и уезжай.

– Но зачем я приехала? Ты знаешь?

– Ты приехала забрать свое сердце...

Чувствую на лице холодные, гладкие пальцы. Открываю глаза и слышу, как кто-то сокрытый тьмой выходит из моей комнаты, прикрывая за собою дверь. А потом уходит по коридору под тихий скрип половиц.

Оглядываюсь по сторонам.

Сколько я проспала? Неужели весь день?

За окнами, в темном небе, блестят острые грани убывающей луны.

Сажусь на край кровати, спуская ноги на пол.

Отзвуки прошлого. Все это лишь почудилось мне. Пригрезилось в розовых снах. Мертвые не могут разговаривать с нами из могил. Как бы сильно нам этого не хотелось.

Осторожно поднимаюсь и подхожу к двери. Выглядываю в темный коридор.

В доме похолодало, чувствую неприятное покалывание в

кончиках пальцев. А изо рта вместе с дыханием вырывается пар.

– Дедушка... это ты? – безмолвно шевелю замерзшими губами.

Но ответа нет. Лишь на первом этаже кто-то раскачивает висящие на гвоздях фоторамки.

Выскальзываю из комнаты и прокрадываюсь до дедушкиной спальни. Заглядываю в нее, но вижу, что он все так же лежит на кровати с открытыми глазами.

Эта ночь лишила сна нас обоих.

Смотрит на меня испуганным взглядом. Приставляю палец к губам.

– Все будет хорошо.

Спускаюсь по лестнице в сырую тьму, затопившую первый этаж. Держусь руками за стены. Натыкаюсь на фоторамки и они падают на пол, разнося по гостиной треск лопнувшего стекла.

– Черт...

– Хи-хи. Разбила?

Детский голос за спиной заставляет меня подпрыгнуть. Разворачиваюсь. Что-то мелькает в темноте и тут же исчезает, но я успеваю разглядеть белое лицо с черными дырами глаз. Это девочка...

Прижимаюсь к стене.

Или не девочка вовсе?

Стараюсь отдышаться.

В любом случае, если здесь что-то и было, теперь оно ушло.

На трясущихся ногах возвращаюсь в спальню. Ложусь на кровать, стараясь вспомнить, был ли в этом доме подвал. Но нахожу в памяти лишь горсть сухой земли.

Обнимаю живот руками.

– Тсс... не бойся. С нами ничего не случится. Я обещаю. Скоро мы уедем отсюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.